

Вань Хайфэн, опираясь на трость, произнёс:

— Несколько дней назад я осмелился оскорбить владельца острова...

Голос его звучал уверенно, но в нём сквозила невысказанная тревога. Он резко продолжил:

— Ваше нынешнее решение, островной владыка, я не могу одобрить. Вы повсюду стараетесь отмежеваться от острова Пэнлай, не желая втягивать нас в свои дела, но разве вы не понимаете, что это лишь усугубляет ситуацию, ставя всё с ног на голову! Для острова Пэнлай вы — самая важная, незаменимая фигура. Я не могу позволить вам рисковать собой. Даже если это будет нарушением этикета и долга, я обязан исполнить наказ госпожи и уговорить вас.

Родом он был из рыбаков. В возрасте чуть более десяти лет его родители погибли в цунами, и он сам продался в рабство, но был случайно спасён дедом Лэ Юя. Такая милость не требовала благодарности, и если бы спасён был кто-то другой, он бы просто запомнил это. Однако Вань Хайфэн настаивал, что большая милость требует воздаяния, и, сев на лодку, отправился вдогонку за кораблём семьи Лэ. Тогдашний владыка острова не мог не взять его с собой.

С тех пор, как Лэ Юй себя помнил, Вань Хайфэн уже был суровым седовласым стариком, строгим и деловитым, не тем, к кому Лэ Юй по натуре испытывал симпатию. Мать Лэ Юя относилась к нему с уважением, а сам Лэ Юй держался от него на расстоянии. Однако сейчас Лэ Юй лишь слегка коснулся его плеча. Этот жест заставил Вань Хайфэна замереть. Лэ Юй обнял старого управляющего за плечи и сказал:

— Не беспокойтесь, старина Вань. С островом Пэнлай всё будет в порядке, и со мной тоже. У меня есть свои соображения.

Лэ Юй отправился в Двор Весенних Ароматов, чтобы встретиться с Инь Усяо. Врач Инь жил там весьма комфортно. Он был красавцем с экзотической внешностью, учтивым и приветливым джентльменом. Поскольку пациентов у него давно не было, он начал считать многих молодых девушек, краснеющих при виде его, потенциальными больными. За несколько дней он измерил пульс многим и выписал множество рецептов для лечения женских недугов: недостатка инь, холода в матке, плохого кровообращения, холодных конечностей и нерегулярных менструаций.

Когда Лэ Юй появился, Инь как раз передавал один из рецептов служанке лет двадцати. Та, с покрасневшими глазами, тихо поблагодарила, оглянулась по сторонам, спрятала бумажку в рукав и быстро удалилась.

Лэ Юй дождался, пока она, дрожа от страха, скроется, и только тогда появился у окна. Опершись на подоконник, он одним движением перепрыгнул внутрь и, не переводя дыхания, поддразнил:

— Полмесяца не виделась, а ты, «маленький виртуоз», уже специализируешься на женских болезнях.

Инь Усяо, увидев, как Лэ Юй впрыгнул внутрь, не убрал подушку для пульса. Лишь когда Лэ Юй сел напротив, закатал рукав и положил запястье на подушку, врач сказал:

— Господин Лэ говорит неосторожно. Но я, мастер женских болезней, лечу и вас.

— Как идёт лечение?

Инь Усяо задумался:

— Яд корня страсти в вашем теле... возможно, под влиянием гу растёт слишком быстро. Теперь, если будет стимул, он может активироваться! Моё последнее противоядие, которое я пытался приготовить, сгорело в Зале Зелёного Бамбука. Чтобы сделать новое, потребуется как минимум десять дней. Ваш любовный гу скоро пробудится.

Он убрал руку, закончив измерять пульс, и добавил:

— Я могу лишь сказать, что наличие яда корня страсти и гу в вашем теле — это точно не к добру. Если яд не нейтрализовать, чем дольше он копится, тем сильнее будет обратный удар гу.

На этих словах оба погрузились в размышления.

Лэ Юй знал, что с тех пор, как покинул остров, ему не везло, но принял это как данность. Внезапно он сменил позу, раскрыл веер и предложил:

— Если у тебя остался этот корень страсти, может, достанешь ещё? Я съем его, чтобы яд боролся с ядом, и ещё на месяц подавил гу.

Инь Усяо опустил глаза, собирая инструменты, и про себя подумал: «Ты ещё смеешь есть это? Смелчак! Сейчас, когда он активируется, тебе и так будет несладко».

Лэ Юй продолжил:

— А та пациентка, что только что торопилась? Что с ней? Судя по твоему виду, дело серьёзное.

Инь Усяо подумал и решил, что может рассказать, ведь Лэ Юй сможет замолвить за неё словечко перед супругой наследника престола.

— Она... действительно в сложной ситуации, но разве это болезнь? Она беременна, но хочет оставить ребёнка.

Лэ Юй сказал:

— Смелая девушка. Хочешь, чтобы я её защитил? Без проблем. Но только ответь мне на один вопрос.

Взгляд Инь Усяо изменился.

— Какой?

Лэ Юй щёлкнул веером. Лёгкий удар заставил крышку ящика с инструментами захлопнуться и защёлкнуться.

— Твой учитель, государственный советник Шу из Северной Хань, который уже пять лет в затворничестве... Это потому, что он достиг стадии пяти признаков увядания небожителя?

Инь Усяо убрал руки, выпрямился и ответил:

— Нет.

— О? — Лэ Юй пристально посмотрел на него, не упуская ни одной детали. — Нет?

Инь Усяо вздохнул:

— Ты должен знать, что Шу Сяоинь — первый среди гроссмейстеров. Даже если все гроссмейстеры в мире достигнут стадии увядания, он не войдёт в состояние пяти признаков увядания небожителя.

Лэ Юй небрежно поигрывал веером, думая про себя: «Вот этого я и боюсь».

Был ли Инь Усяо намерен или нет, но из пяти великих гроссмейстеров современности, кроме Лэ Сяньюй с острова Пэнлай, чьё имя осталось лишь в истории, мастера Сыхань из Южной Чу, владыки Хрустального дворца из Восточного У и отшельника из Западного Юэ — все уже показали признаки увядания.

Гу Сань именно поэтому решил вступить в политическую борьбу, став на сторону молодого князя Цзинчэна, который представлял собой ценный актив. В мире боевых искусств существовало общее мнение: эпоха его расцвета пришлась на время хаоса четырнадцати государств. Теперь, когда Центральные равнины объединяются, мир боевых искусств всё ещё существует и остаётся независимым от власти правительства лишь благодаря живущим гроссмейстерам. Даже если правители государств ненавидят мастеров боевых искусств и мечтают уничтожить крупные школы, переселить кланы и казнить героев, они всё же вынуждены уважать гроссмейстеров.

Однако уже более двадцати лет в мире не появлялось новых гроссмейстеров. Последним, кто достиг этого звания, была Лэ Сяньюй, умершая в возрасте чуть более сорока лет. Старые гроссмейстеры, пользующиеся большим уважением, один за другим впадают в состояние увядания, и через три-пять лет, вероятно, в мире не останется ни одного гроссмейстера, кроме государственного советника из Северной Хань. Эпоха боевых искусств Центральных равнин, возможно, подходит к концу. Со времён, когда император Чжоу разделил земли между князьями, власть Чжоу ослабла и начался хаос междоусобных войн, этот период, похоже, завершается.

За тысячи ли отсюда молодой господин Гу Сань из знатного рода потирал лоб. Погода уже потеплела, и он, как обычно, отправился в Храм Синего Утёса, чтобы почтить память умершей матери. На следующие полмесяца он остановился в храме. Настоятель, зная, что Гу Сань — важный благотворитель, заранее приказал монахам подготовить для него изысканные и

чистые комнаты, которые, однако, не могли сравниться с роскошью его дома.

В лакированной коробке насыщенного пурпурного цвета лежали свежие фрукты. Он положил рядом послание, доставленное голубем. Тэнъи только что заварил чай, и белая пена поднялась на поверхности зелёного напитка, который как раз остыл до нужной температуры. Он вздохнул, опустил голову на руки. Тэнъи, не издавая ни звука, подошла и, опустившись на колени, начала массировать его виски. С лёгким недовольством, но без изменения выражения лица она сказала:

— Молодой господин, вы редко выходите из дома, а когда выходите, не можете расслабиться.

В комнате за ширмой стояла жаровня. Он дал Тэнъи помассировать виски некоторое время, затем коснулся её тёплой руки и произнёс:

— Сейчас как раз самое неподходящее время для расслабления.

Гу Сань закрыл глаза и усмехнулся:

— Если стать слугой будущего императора может избавить от бедствий, зачем мне бросаться в омут? Мои колени не слишком твёрдые, я знаю, когда нужно преклонить их.

Тэнъи не могла слышать, как кто-то говорит о нём плохо, даже если это был он сам. Услышав такие слова, она нахмурилась:

— Молодой господин.

— Если не хочешь слушать, не буду говорить, — сказал Гу Сань.

Усталость накатила на него, и он начал засыпать в ароматах чая и фруктов.

— Интересно, как отреагирует великий владыка острова Лэ... на этот раз, кроме тебя, половина известных младших гроссмейстеров отправились в Цзиньцзин...

Он пробормотал, и его голос постепенно затих.

Лэ Юй, конечно, знал: если он не сможет утвердить свой авторитет, остров Пэнлай в будущем не сохранит своё исключительное положение, поддерживаемое поколениями гроссмейстеров. Он был связан с князем Цзинчэном и был знаком с принцессой Яньцин из Восточного У. Гу Сань с интересом наблюдал, как Лэ Юй поведёт себя в этой истории с выбором жениха на Террасе Феникса.

В Цзиньцзине, на рассвете, шёл лёгкий дождь.

<http://bllate.org/book/15272/1348072>